

Степан
Сказин

**СКАЗКИ
ТРЕТЬЕГО
ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ**

Фантастические новеллы

Степан Сказин
Сказки третьего тысячелетия

«ИТРК»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84-44 (2 Рос = Рус)

Сказин С. С.

Сказки третьего тысячелетия / С. С. Сказин — «ИТРК», 2020

ISBN 978-5-88010-697-4

В безудержном потоке жизни в тесном мегаполисе, в сутолоке и неурядицах легко забыть, на какой сложной и загадочной планете мы живем. Претерпевая тяжкие испытания, герои новелл талантливого писателя-футуролога наконец понимают, что нас всех объединяет общая судьба. Книга предназначена для искушенных любителей фэнтези.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84-44 (2 Рос = Рус)

ISBN 978-5-88010-697-4

© Сказин С. С., 2020
© ИТРК, 2020

Содержание

Царство мертвых	6
Ядовитый цветок	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Степан Станиславович Сказин

Сказки третьего тысячелетия

© Сказин С.С., 2020

© Издательство ИТРК, издание и оформление, 2020

Царство мертвых

Моей любимой Арьяне

Привокзальная площадь. Не помню, какого городка. Садясь в электричку – я не выбирал, куда ехать. Подальше бы от университетских аудиторий с занудами-профессорами. От мамы с папой, которые давили меня своей опекой. От накаченных пивом и предрассудками дебилов-сверстников...

И вот, как потерянный, я брожу в толпе.

Киоск с беляшами. Павильон «1000 мелочей для ремонта». Всюду – багровые от студеного воздуха физиономии. Под ногами – жидкая грязь, замешенная на тающем снеге. Конец февраля. Мой самый нелюбимый отрезок года. Люди о чем-то говорят, что-то покупают. К билетной кассе – выстроилась длинная очередь. А мне хочется одного: умереть.

В девятнадцать лет – предостаточно причин ненавидеть жизнь. Сколько раз я тешил себя суицидальными мечтами?.. О том, что глотаю яд. Вспарываю вены ножом. Мое горло – хрустит в затянувшейся удавке. Впрочем, я так никогда и не сделал попытки воплотить фантазии в реальность: кишка оказывалась тонка.

Лицемерное общество навязало нам: все самоубийцы – безвольные трусы. По правде – это не так. Всегда в человеке теплится мелочное желание продлить свои деньки. И надо обладать упорством титана, чтобы себя переломить – преодолеть естественное отвращение к смерти.

Я остановился под вывеской рыбного магазина. Крыса-тоска так и глодала мне сердце... Всё оборвалось внезапно. Я поскользнулся. Грохнулся на асфальт. А из-за угла магазина – вырулило авто. Толпа многоголосо ахнула. Не то чтоб машина летела на дикой скорости – это я в неудачном месте распластался. Колесо проехало по моей голове.

Визг тормозов. Непонятный треск. Должно быть – раскололся мой череп. Лишь на миг я почувствовал боль. И тут же – густая завеса тьмы...

* * *

Тьма рассеялась.

Я увидел: зеленые обои в горошек. Сквозь красноту занавески – просвечивает яркое солнце. На подоконнике – цветет кактус. Я лежу под одеялом – проваливаюсь в мягкость перины.

Непохоже, что я в больничной палате. Да и странно было бы туда попасть, если тебе в кровавое месиво размозжило башку: покойнику – дорога прямехонько в морг. Догадка, что я в загробных пределах, – родилась как-то легко и сразу. Просто не осталось других вариантов. При жизни я был убежденный материалист. Но теперь приходилось признать: спириты, демонологи и иже с ними хотя бы отчасти оказались правы.

Религиозник немедля рухнул бы на колени. Молиться богу. Но мои извилины подобная глупость не посетила. Рассудим здраво: замогильное бытие – вовсе не обязательно дело божьих рук. Возможно, мы имеем дело с каким-то неведомым природным законом. (А бог – если б существовал – мог бы и не вылепить потусторонний мир. Не одарить нас жизнью «после смерти». Это так – мысли в скобках.)

Я осторожно повернул голову. На стене – зеркало. Под зеркалом – тумбочка. На тумбочке – связка ключей. В одних трусах – я вылез из-под одеяла, подошел к зеркалу, долго всматривался. Череп целый – никаких следов травмы. И на операционном столе меня не латали, потому что на швы – ни намека. Мне и волосы никто не сбрил. В тумбочке обнаружились стиранные

брюки и рубашка, носки. Под кроватью – туфли. Не откладывая, я оделся и обулся. Мять простыни – не время. Надо вдоль и поперек обшарить царство мертвых.

Покинув комнату, я запер за собой дверь. Ключ пришелся замку как раз впору. Я сообразил: комната назначена мне в жилище. Мой одноместный номер в отеле живых мертвецов. Светлый пустой коридор – вывел меня к лифту. Чистенькая кабина – доставила на первый этаж. Вестибюль: кривоватые фикусы в кадках, столик с книгами и журналами. Ни души. Ладно. Тогда вперед – на улицу.

Покрытый асфальтом, не сильно просторный дворик. Тонкие кудрявые клены – стоят зеленые. Разве что самую малость – тронуты желтизной. Надо мною – нежарко сияла безоблачная синева небес. Идиллический августовский полдень – одним словом. Я погиб в феврале – но какое это имеет значение?.. Быть может, в царстве мертвых – вообще не бывает снега.

Вылизанный дворик был как при каком-нибудь доме инвалидов. Ни грамма мусора: ни битого стекла, ни оберток от жевательной резины. Только местами – устлали асфальт кленовые листья. В клумбах – фиолетовые, желтые и красные цветы. А вот, на скамеечке – горбится бабулька. Орудует длинными спицами – наверное, вяжет чулок. Покойница – вроде меня?..

Я остановился напротив старушки. Вежливо поздоровался. У меня было, о чем почтенную мадам расспросить.

– Ай?.. – бабулька подняла черепашины глазки. – Да что ты там, соколик мой, говоришь?..

«Мадам» оказалось туговатой на ухо. Мне по двести раз приходилось повторять свои вопросы. Но всё равно – старуха не очень-то понимала.

– Да ты, родимый, из новеньких, стало быть?.. Али как?..

«Из новеньких»? Вероятно, бабулька имеет в виду, что раньше она меня в загробном мире не видела. Не без усилий, я вытянул-таки из неё крохи информации. На руках у любимой внучки, старушенция умерла от рака в апреле 20^{**} года. То есть на пару лет опередила меня. До выхода на пенсию – преподавала школьникам географию. Потом, до самой смерти – получала от бывших учеников открытки на день рождения. Чем страшно гордилась.

Ничего больше вытрясти из «мадам» не удалось. Впрочем, я узнал не так мало. Подтвердилась моя догадка: я в царстве мертвых. И по всему видно: попадают сюда не за какие-то выдающиеся заслуги или грехи.

Я пустился исследовать окрестности. Благо, и погода располагала к прогулке. Здесь и там – изящные кустики и деревца, ярко пестреют цветники. Через каждые двести метров – автомат с горячими и холодными напитками. Денег в моем кармане не было – но и не требовалось платить. Жмешь кнопку с циферкой – и в картонный стаканчик льется ароматный кофе или сладкий сироп.

Навстречу изредка попадались люди. Лысый хромой старик. Подросток – съеденный прыщами и угрями – дергался под аудиоплеер. Одна интеллигентная, лет под сорок, женщина – приветственно мне кивнула. Нетрудно было сложить два и два: весь этот народ – мертвые, как и я. Хотя и производят впечатление живчиков.

Я заглядывал в магазины. «Магазины» – не самый удачный термин. Необклеенные ценниками и штрих-кодами, – громоздятся продукты и барахло. Понравилась вещь – протяни руку и бери. Не маячит у дверей охранник, не торчит за кассой продавец. Не тарашатся из-под потолков камеры наблюдения.

В очередном супермаркете я вскрыл пакетик с чипсами. Набив хрустящими ломтиками рот – наугад двинулся по торговому залу. В мясном отделе наткнулся на бомжеватого дядю. В заляпанной грязью куртке – мужичок устроился прямо на полу. Ревя, как динозавр – давился батоном колбасы. Багровое, в щетине и бугорках лицо – блестело от пота и удовольствия. Вокруг дядечки – разбросаны по полу недоеденные куски. Темной пахучей лужей – растекается пиво. Из алкогольного ряда – мужичок прихватил полулитровую бутылку, которую успел раскóкать.

Уперев в меня мутный взгляд, дядя смачно рыгнул. Изо рта у него свесилась колбасная кожица.

– Парень, там через два ряда – пицца итальянская. С грибами. Ужрешься!.. – дядечка махнул рукой, указывая направление.

– Спасибо, – поблагодарил я. Но за пиццей не пошел. Appetit как-то испарился.

Ноги гудели, когда я возвращался в отель. Казалось: я успел обойти экватор. Давно бы должен был спуститься вечер. Но странно: в голубизне неба по-прежнему улыбалось солнце. В гостинице, на этаже – я отыскал душевую. Отмылся от пота и липкой пыли. Наконец – плюхнулся у себя в номере на кровать.

Как же я устал за этот бесконечный день!.. Угу. День и правда никак не кончался. Солнышко так и не хотело закатываться. Будто оно намертво прикручено над горизонтом болтами.

Жаль, нет под рукой телефона. Позвонить бы маме. Сказать бы, что у меня всё в порядке... Я невесело рассмеялся, вспомнив, что умер. Бедная мама – слезы сейчас льет над моим трупом, которому автомобильное колесо обезобразило голову. Да, я умер. И всё-таки – хожу, дышу. Воздухом царства мертвых. Надо привыкать к своему новому положению.

* * *

Я старался, потихоньку привыкал. Царство мертвых – открывало мне свои секреты.

Я скоро убедился: в отеле есть постояльцы и помимо меня. Иное дело, что они не застревают по номерам. Предпочитали – как и я сам – слоняться по городу. Жарить затылки под теплым солнцем, которое никогда не пряталось за тучку и не уступало места луне.

Отель был не единственный на весь город. Наматывая во время прогулок километры, я набредал на другие гостиницы – с такими же клумбами, скамейками и тонкими кленами во дворах. И, вероятно, – с такими же непоседливыми постояльцами. Впрочем, мертвое царство не отличалось высокой плотностью населения. Шляйся по улицам хоть сорок восемь часов без перерыва – каждого встречного покойничка упомнишь в лицо.

Мы были довольно пестрым контингентом. Парни и девчонки. Беззубые деды и полоумные старухи. Сгоревший на сидячей работе офисный планктон. Строительный рабочий, которому не повезло слететь вниз головой с лесов. Загубленные голодом и холодом бомжи. Секретарша одного именитого олигарха. Но – таких разных – нас объединяли время и география.

В раю вы ожидали бы беседы с Сократом, Томасом Мором или Петром Алексеевичем Кропоткиным. В аду – поглядеть, как варятся в кипящем котле Гитлер, Пиночет, Калигула и Николай Кровавый. Но – увы!.. Мы все были серые мышки из скучного XXI века. Свои земные годы провели в одной и той же стране. (Да, той самой – которая известна своими дорогами и дураками.) Даже – примерно – в одних регионах.

Если б среди нас каким-то чудом затесался Сократ – премудрому греку не с кем было бы и словом перекинуться. Языковой барьер. Зато друг с другом мы запросто объяснялись на великом и могучем Тургенева и Толстого – с примесью матерных междометий.

Насчёт всего этого у меня была весьма здравая гипотеза.

Потусторонний мир – вроде пчелиного улья. Будто на соты, разделен на тьму мирков поменьше. Эти маленькие мирки – никак не сообщаются. Новоиспеченный мертвец – просыпается в одном из «отсеков». Чтобы никогда оттуда не выйти. Вот мы – расслабленно шатаемся под августовским солнцем, набиваем утробы халявой из супермаркетов. А тем временем – в каком-то недоступном нам уголке загробного царства – не первое тысячелетие подряд тоскуют подданные царя Хаммурапи. Вместо бетонных этажек – у них вавилонские башни из глиняных кирпичей. Вместо кленов – зеленые метелочки пальм.

Согласитесь, рассуждения убедительные. Жаль только, не проверить. За пределы сонного города – в самом деле, не было выхода. Мы вращались как бы в замкнутом кругу, который

начертил коварный кудесник. Сколько я бродил, пытался разобраться: где город заканчивается?.. Но всякий раз – лабиринт улиц каким-то непостижимым образом выводил меня назад к моему отелю.

Магазины – вернее, склады – переполненные едой. Библиотеки. Геймер-клубы. Фонтаны. Бульвары. Цветники. Ничего больше в городе, собственно, и не было. Я перепробовал тысячи сортов бекона, рыбы и колбасы. На чипсы и соленые крекеры – не мог и взглянуть без тошноты. И всё равно, как по зову волшебной дудочки, исправно таскался в супермаркет – вновь набить деликатесами рот.

В прохладных (благодаря кондиционерам) полутемных игровых залах – зависал часами. Впивался глазами в горящий монитор. До мозоли на пальце орудовал джойстиком. Стратегии. Файтинги. Дурацкие головоломки с перетаскиванием разноцветных квадратиков. Поначалу я хоть в уме пытался фиксировать, какие игры прошел. Но когда их число перевалило за энную сотню, я плюнул – и бросил считать.

Книги в библиотеках – имелись на любой вкус. Я проглатывал все: от детективных романов до заумной энциклопедии «Об окружающем мире, для самых маленьких». Каюсь: не брезговал эротическими журналами. Но и книги, и журналы – были про покинутый мир земной. Про мир загробный – в котором, судя по всему, мне предстояло коротать вечность – я не вычитал и жалкого факта. Книги приедались ещё скорее, чем видеоигры.

От обжорства по супермаркетам мне следовало бы растолстеть. Ввинченные в монитор глаза – должны были бы слезиться и чесаться. А прогулки под солнцем – оставить на моей коже красивый загар. Но – вы удивитесь – ничего такого не случилось. Мне хватало пару часиков вздремнуть – чтобы очнуться в обновленном теле. Пусть накануне я расшиб коленку – от ссадины не оставалось и пятнышка. Пропадала и мозоль, которую я успевал заработать за джойстиком в гейм-клубе. Наконец, мои волосы и ногти – ни на миллиметр не отрасли.

Я вставал с постели, гляделся в зеркало. И видел будто бы не лицо – приклеенную намертво маску. Живое лицо – хоть на каплю – но меняется с каждым днем. А у меня – и выпавшая ресничка оказывалась на прежнем месте.

Покойники не стареют. Из зеркала на меня всегда будет смотреть девятнадцатилетний юнец. Двадцать лет – мне никогда не стукнет. Я думал с грустью: в цветущие годы отдать концы – это счастливый билет. Невесело было бы маяться сморщенным стариком, у которого изо рта пахнет гнилью.

Пока мы живы – боимся смерти, как черного омота. Но теперь я на своей шкуре испытал: вечное бытие – вгоняет в тоску. Мой августовский денек – вовек не закончится. Над Землей пронесутся миллиарды и триллионы лет – а я по-прежнему буду объедаться вяленой рыбой и копченой колбасой. Убивать гоблинов в видеоигре. Мне не повзрослеть. Не жениться. Не наплодить детей. Не оставить под луной по себе память. Время в городе мертвых – отменено. Вечная жизнь – кандалы, которые не разбить.

Ну а если б я попал в загробное царство семидесятилетним дедом?.. То есть успел бы и дерево посадить, и дом построить?.. Подозреваю: земные достижения ненадолго сохраняли бы для меня цену. В супермаркетах мертвого города я всегда найду кусок грибной пиццы, который запью шипучим лимонадом. Потом высморкаюсь. Поковыряю мизинчиком в ухе. И уставлю глаза в тупое детективное чтиво. Нечего было и пытаться вести достойную честную жизнь, если за могилой тебя ждал свинячий рай. Теплый хлев. Корыто, полное арбузных корок.

Всё сильнее мое посмертное существование напоминало бредовый сон. Я ходил, как огретый по голове поленом. Хотелось одного: выскрести из коробки черепа хлам бесполезных мыслей. И заставить себя смириться с очевидным: я – покойник. Мне ничего не сулит будущее, которого у меня нет. Мечты, страхи, любовь – вся эта роскошь не для мертвых. Единственное, что мне положено – никчемная, жалкая вечность. Даже не череда повторяющихся дней. Всего один день – один миг – но растянутый, как полоска резины.

Миг, странным образом похожий на каплю смолы. Застывшая капля времени. А ты – комар, похороненный внутри желтого сгустка. Ничего вокруг не меняется, ничего с тобой не происходит. Застывшая смола – защитила крохотное комариное тельце от разложения. Но много ли в этом толку?.. Не летать комару на своих прозрачных крылышках. Не жужжать над зеленым лугом.

Участь моя была решена. Я превращался в зомби. В тупой ходячий труп, который только жрет и развлекается. И я превратился бы. Но мне повезло встретить Таиси.

* * *

Растрепанные косы. Жгучий блеск в глазах. Нервная, чуточку скошенная улыбка. Таиси была одного года рождения и одного года смерти со мной. Даже месяцы совпадали. Красивым личиком – притягивала меня, как магнитом.

Сказать правду: в мире земном я не осмелился бы к ней подойти. Такая в ней была импульсивность. Резкость движений. Казалось: темная кровь, бурлящая в жилах Таиси, замешена на каком-то колдовском эликсире. Но именно благодаря кипению горячей крови – Таиси и после смерти выглядела живой. Живее меня. Живее того немытого дяди из супермаркета. Да и любого другого обитателя города мертвых.

В нашу первую совместную прогулку я рассказал Таиси анекдот. Что-то слегка скабрзное, про монахиню и попа. Таиси – отозвалась радостным звонким смехом. О, как я был тогда поражен!.. Будто бы шаровой молнией. Я ещё не слышал, чтоб у нас в загробном царстве – кто-нибудь смеялся или плакал. Бьющие фонтаном эмоции – покойникам не свойственны.

В другой раз Таиси вспомнила случай из своего детства. Плохие соседские мальчишки – поймали котенка. Подпалили бедной животинке усы. Таиси – которая была тогда пугливой щекастой девочкой в красном бантике – смотрела на это, сердилась. Тоненьким голоском бранила маленьких злыдней. Но ничего не могла сделать.

Открыв мне давнюю детскую боль, Таиси уткнулась в мое плечо – и заплакала. Смех, а теперь – и слезы!.. Я не уставал изумляться Таиси. Вместе с беспокойной хрупкой девушкой, которую я прижимал к груди – в моё посмертное существование ворвался сладкий ветерок из мира живых.

«Таиси» – было ненастоящее её имя. Но она хотела, чтобы я звал её так. Причуда красавицы, переменчивой, как луна. Переменчивостью – Таиси меня и покорила. В окостенелом царстве мертвых – как воды, жаждешь бурь, встрясок и перемен.

Я ничего не узнал о том, какая смерть постигла Таиси. Моей луне так и не пришла охота об этом говорить. Меня преследовала догадка: Таиси сама себя убила. Она, в отличие от меня, не с заячьим сердцем. Просто ухваченная мрачным порывом, Таиси могла без долгих размышлений покончить с собой.

С Таиси я наполовину забыл, что мертв. Предстоящая вечность – рисовалась теперь не настолько унылой. Мы вместе – Таиси и я. Вдвоем – и по супермаркетам шарить не скучно. На четвертом свидании – я её поцеловал. Такая странная вещь: поцелуй за гробом!.. При жизни – я и за руку никакую девушку не держал.

Я верил: никогда не выпущу Таиси из объятий. Вышло иначе.

* * *

За красной шторой – постылое августовское солнце. Таиси и я – в моей комнате. Сидим поверх постели. Нам обоим – до чертиков тоскливо.

– Этот город – хуже тюрьмы!.. – всхлипывает Таиси. – Нас бросили в темный погреб, где паутина по стенам. И захлопнули над головою крышку!..

Я смотрю на заплаканную Таиси – и двинуться не могу. Она права, права!.. Мы в западне. Совсем как тот увязший в смоле комар. Из затхлого погреба – не пробьешься на свежий воздух. Что если – господь бог всё-таки есть?.. Тогда он долбаный садист. За мелкие грешки поместил нас в девятый круг ада.

Сколько нам с Таиси – за ручки бродить по городу мертвых?.. Мы с выколотыми глазами прошли бы до тошноты знакомый лабиринт бульваров и улиц. Каждый листок на тоненьких кленах – изучили, как под микроскопом. Деликатесы с магазинных полок – кажутся безвкусными, как бумага. Хочется куском арматуры – разбить все компьютеры в гейм-клубе. Журналы и книги из библиотек – собрать в кучу и поднести зажженную спичку.

Загробная жизнь и терпеливого ангела превратит в психованного беса. Но что невыносимее всего: приедаемся друг другу и мы с Таиси. Пресными сделались поцелуи. Когда обнимаемся – пульс уже не зашкаливает. Бессмертие – высасывает все соки. Сидим, не глядя друг на друга. Калечные мертвецы.

Таиси вдруг выпрямилась. Утерла слезы.

– Ты знаешь... – голос её слегка дрожал. – Выход есть.

Изумленный, я поднял на неё глаза.

Она заговорила быстро-быстро:

– Этот зачарованный мир, в котором мы застряли... Да, многое здесь – не как на Земле. Солнце не заходит, лето не заканчивается, ногти не отрастают... Но кое-какие элементарные законы физики... Они и у нас работают...

Щеки Таиси окрасил румянец. Взволнованная, она излагала сумбурно. Но я уловил её гениально-простую мысль:

– Законы физики?.. Ты имеешь в виду: мы не взлетаем в воздух?.. И если наступаем на мягкое – нога проваливается?..

– Это я и хотела сказать, – подтвердила Таиси. Её слезы окончательно высохли. Глаза – горели. Ещё жарче, чем румянец на щеках.

Таиси положила ладонку мне на грудь. Спросила тихо:

– Ты понимаешь?.. Понимаешь – что это значит?..

О, я понял!.. Моя сумасшедшая девчонка могла бы не продолжать.

Мы – живые мертвецы. Ходячие трупы, способные размышлять и страдать. Какое-то издевательство над основами биологии. Но вот физике – даже мы отчасти подвластны. Обжигаемся, тронув горячее (пусть ожог и исчезнет почти сразу). Гулять по воде аки посуху – не умеем. Шагнув с обрыва – полетим вниз, а не вверх.

Милая, милая Таиси!.. Она догадалась, как разрубить гордиев узел. А я – натуральный баран. Не допер до такого очевидного решения.

Я нежно обнял любимую. На миг мы слились в огненном поцелуе. Который снова был непередаваемо сладким, как на первом свидании. Потом взяли за руки, поднялись с кровати. Молча подошли к окну. Я отодвинул штору. Переставил кактус с подоконника на пол. Настежь распахнул окно. Мы влезли с ногами на подоконник. Если у нас и есть шанс – то только этот. Прыгнуть из окна головами вниз.

Не отрываясь, я глядел на серую корку асфальта – в тридцати метрах под нами. Не ощущал и тени страха. Мертвому – бояться нечего. Я пробовал то, что ужаснее смерти – вечное прозябание за могилой. Таиси – тоже смотрела вниз. Её маленькая ручка – лежала в моей руке.

Меня вдруг объяло странное чувство. Всё это – происходит как бы не с нами. Мы будто уже сбросили оковы. Ускользнули от собственных тел. Витаем, как пара бесплотных духов. Ждем с любопытством постороннего: что дальше?.. И в самом деле: что дальше?..

Хорошо бы просто-напросто рассеяться в пустоте. Оставить после себя две груды переломанных костей и кровавого мяса. А самим – испариться, умереть. На сей раз – по-настоящему. Или мы провалимся глубже в загробный мир?.. Из девятого круга ада – в десятый?..

Вместо августа – там будет ноябрь. Вместо солнца – беспросветные тучи. Но точно так же – не перемещающиеся по небу.

А хоть бы и так!.. Если нам суждено во веки веков отыгрывать один и тот же сценарий – заставим гипотетического мерзавца-бога разнообразить декорации.

– Я люблю тебя, – сказала Таиси.

– Я люблю тебя, – отозвался я.

Прыжок.

* * *

Визг тормозов. Колесо едва не переехало мне голову. Водитель авто – яростно крыл меня трехэтажным матом. Люди вокруг – охали. Бледный, испачканный слякотью – я отполз с проезжей части. Поскорее поднялся на ноги и смешался с толпой.

Привокзальная площадь. Толчея. Ботинки – месят кашу из мокрого снега. Я вспомнил, что случилось со мной. Криво улыбнулся. Всё просто, как школьная арифметика. Минус на минус – дают плюс. Покойник, который себя убил, – оживает. На шкале времени я вернулся в ту точку, в которой всё началось. Либо закончилось. Не знаю, какое слово употребить. Речь ведь идет о моей смерти.

Зря я, получается, волновался, что не могу позвонить маме. Она, похоже, и не узнает про мою отлучку в царство мертвых.

Улыбка вдруг стерлась с моего лица. Я сбежал с того света не один. Таиси!.. Она разбилась об асфальт вместе со мной. Ну что я за клинический идиот!.. Так и не выведал у неё ничего про обстоятельства её первой смерти. Мне теперь только гадать остается – за какими облаками искать свою луну. В чем можно не сомневаться: как и я, Таиси переместилась туда, где когда-то умерла.

Вполне вероятно: очнулась на жесткой больничной койке. Или под яркими лучами ламп – в операционной. Другой вариант: открыла глаза в родительском доме. В своей уютно обставленной комнатке. Сидит на стуле – перед маленьким столиком. На столике – стакан воды и две белые круглые таблетки. В этот раз – мою голову не расплющило, а Таиси – не проглотила смертоносные кругляшки.

О, это главное: моя луна жива. Мы оба – воскресли. И расстояние, которое между нами легло – не такое уж и большое. В наш отсек загробной тюрьмы – узники поступали всего из нескольких российских регионов.

Я тебя разыщу, Таиси. Я тебя обязательно разыщу.

ЯДОВИТЫЙ ЦВЕТOK

Мне приснились змеи. Мыши. Дикие кошки с желтыми горящими глазами и выставленными когтями. Уцепившись за хвост дракона, я взмывал в черную бездну небес. Верхом на щетинистом вепре мчался через колючие заросли. Лихо закрученный кошмар напоминал американские горки.

Я очнулся в ледяном поту. За окном висел предутренний серый сумрак. С трясущимися поджилками я прошел на кухню. Хлебнуть для успокоения молочного кофе. Пальцы тряслись не хуже, чем поджилки: я едва не расплескал чашку. Но, обмакнув в горячий напиток половинку суховатой баранки, я попробовал рассуждать логически и здраво.

Человек вполне может всю ночь мучиться дурными снами, если накануне испытал сильнейший стресс. Если беднягу обидели, унизили, оскорбили... Нет, с логикой у меня не срасталось. Ведь то, что произошло со мною вчера, было «потрясением» совсем иного рода.

Никто не плюнул мне в душу и не сказал плохого слова. И всё-таки: как у меня тогда зашкаливал пульс!.. Скажем витиевато: я вдохнул душистый аромат, а плод с ветки не сорвал. Чудесная птица унеслась за горизонт – а я заметил лишь отблеск её переливчато-яркого оперенья. Дымчатым миражем подразнила меня тень прекрасной мечты. Я руку не решился протянуть – а призрак растаял...

Казалось бы: после такого не кошмары должны были мне сниться. А совсем иные – горько-сладкие – сны.

* * *

Удивительно было уже то, что я таки собрался смотаться по какому-то делу в пригород. В свои двадцать я был не лучше, чем великовозрастный рак-отшельник. Мхом обрастал в унаследованной от бабушки квартире. Копирайтерского интернет-заработка хватало кое-как на оплату счетов за свет и воду. Да ещё оставалось на чипсы, хлеб и молоко.

До электрички оставалось порядочно времени. И пока что я слонялся возле ж/д-станции. День был холодный. Жирно намекавший на близкую зиму. Из рта моего вылетал пар. Под ногами шуршали фольга, картон, смятые пластиковые стаканчики и прочий мусор. Голуби и воробьи растаскивали отбросы. Сиротливо каркала ворона.

Народу кругом – никого. Продавцы неохотно показывали носы из магазинчиков, лавок и бутиков. Грязно-желтая – с красными буквами – вывеска бистро. Так и манящая юркнуть с мороза в теплый уют заведения общепита. Хотя бы и подпорченный присутствием тараканов. Меня вдруг кто-то окликнул. Я обернулся.

Передо мной стояла девушка. Точно ангел, материализовавшийся из ниоткуда. Темноглазая. Изыщная. Она улыбалась – похожими на два алых лепестка губами.

– Вы не знаете, – мелодичным голосом спросила девушка, – во сколько электричка до Н.?

Я успел изучить расписание вдоль и поперек и почему-то очень хорошо помнил время отправления электрички на Н.

– Через полчаса, – ответил я.

– Не скоро!.. Как жаль!.. – опустила голову красавица.

Видок у меня был – должно быть – самый что ни на есть глупый. Сердце гремело, как турецкий барабан; мне было жарко не по погоде. Эта девушка – с родинкой над правой бровью – покорила меня с первого мгновения. Если бы чудесница сейчас повелела: «Отвези меня в Н. на собственном горбу!» – клянусь, я бы исполнил приказание.

– А ведь ты мог бы угостить меня кофе, – с лукавыми искорками в глазах сказала девушка. От её огорчения по поводу небыстрого прибытия электрички не осталось и следа.

Я не поверил своим ушам. Красавица сама подсказывала мне шаг, на который у меня – жалкого труса – не хватило бы решимости. Мы зашли в то самое быстро – под грязно-желтую вывеску.

Ресторанчик был без претензий. Наваленная на витрине выпечка. Хмурый усач в качестве кассира, подавальщика и уборщика разом. Со стен кое-где слезала краска. Кофе «три в одном» оказался так себе, а капустные пирожки – с гнильцой. Но нам с девушкой было по-царски комфортно на кожаном (местами дырявом) диванчике. За квадратным столиком, который не то чтоб часто, вытирали. Красавица мило щебетала, а я млел от незаслуженного счастья.

Девушка говорила о себе, о своих подругах и хобби. О том, что держит дома черепаху в стеклянном террариуме, золотых рыбок и котенка. Назвала свой любимый цвет – сланцевый. Я был благодарным слушателем. Дважды или трижды спрашивал у девушки её имя. Но она деликатно уходила от ответа.

Время промчалось незаметно. Красавица вдруг заторопилась на перрон. Мне оставалось только проводить её. Зеленая змея электрички как раз подползла. Из окна вагона девушка одарила меня напоследок своей волшебной улыбкой.

Электричка умчалась. И только тогда я понял, насколько я конченный идиот. Упустить шанс, который на блюдечке поднесли добрые боги!..

Надо было забыть о своем никчемном дельце в К. Вместе с девушкой ехать в Н. Да хоть к Вельзевулу на кулички!.. Кровь из носу – добиться у красавицы и имени, и номера телефона... Но я оказался слишком ничтожным, чтобы воспользоваться подарком судьбы. Как всегда.

Я всего лишь тупой неудачник-копирайтер. Без пяти минут хикикомори¹. В перерывах между выполнением заказов тарашиться на голых экранных девиц – вот самое крупное достижение на личном фронте, которое мне светит.

...К своему дому я подходил уже поздним вечером. Тускло горели одноглазые уличные фонари. Деревья тянули к черному небу корявые руки-ветви. Сыпались попеременно снег и мертвые листья.

В пустых квартирных стенах меня так и взяла за горло тоска. Без аппетита я поужинал. Глянул пару эпизодов не шибко интеллектуального сериала. И завалился спать. Тогда-то мне и приснились те адские сны: кошки, драконы, жуки и прочее.

Потом, за кофе с баранками, я, в конце концов, подыскал своим кошмарам такое натянутое объяснение. Дело в боли разочарования. Я навсегда потерял вчерашнюю неведомую красавицу. И собственный мозг наказал меня за это потоком тяжких видений. Я не подозревал, с чем в действительности столкнулся.

* * *

Я думал о моей красавице дни напролет. И по ночам – пока не усну. Видел её в ярких сладостных снах. А дальше... дальше я всё чаще путал эти сны с явью.

Иногда я спронеся чувствовал на губах огненный поцелуй моей желанной. Или густая прядь её волос щекотала мне лицо. В ушах у меня вдруг раздавался нежный девичий смех. Ощущения были чересчур реальными, чтоб называться просто снами. Я думал с тревогой: мне требуются таблетки от галлюцинаций.

¹ Хикикомори (хикки) – японский термин, обозначающий людей, стремящихся к социальной изоляции и уединению. – Прим. ред.

Наваждение нарастало снежным комом. Настигало меня не только ночью в постели, но и среди бела дня. Я слышал тихий шепот моей красавицы. Кожей ловил прикосновения её рук и губ. То видел её четкий либо размытый силуэт.

Однажды я вышел за хлебом. И мне померещилось: по ту сторону дороги – она, моя милая, мой ангел. Я рванулся, не посмотрев на красный сигнал светофора... Визг тормозов. Тогда я чудом не попал под колеса авто. А девушку свою, конечно, не нашел.

Не единожды я видел её в окно. Вот она: остановилась у фонарного столба. Или под кривым полуголым кленом. Или присела на скамейку. Я кое-как набрасывал пальто и летел на улицу. Чтобы в досаде наморщить лоб: красавицы и след простыл. Грозил кончиться тем, что при следующем таком случае я разобью оконное стекло и сигану вниз – в погоне за призраком.

«Ядовитый цветок» – так я прозвал свою роковую возлюбленную. Как шмеля, притягивал меня запах нектара. Но этот нектар оказывался губительным ядом, от которого сворачиваются мои прозрачные крылышки...

Каждые три-четыре ночи возвращались те кошмары с драконами и вепрями. И всякий раз – более гнетущие и тяжелые. Муравьи сновали по моему бедному телу; залезали в ноздри, рот и уши. Крысы выедали мне глаза и обгладывали пальцы. Я просыпался в слюнях и поту. От собственного плача или крика. Как-то я даже напрудил в кровать.

Я перестал нормально питаться. Ходил тощий, как вобла. С воспаленными глазами и свинцовой головой. Шатался и спотыкался на ровном месте. Казалось: жизнь вытекает из меня, как водица из пластиковой бутылки, в которой проковыряли отверстие. Надо было что-то предпринимать.

* * *

Снова и снова я думал: пора лечь в психиатричку. Но интуиция возражала: я ищу решение не там. Нейролептики превратят меня в овощ, но не факт, что спасут из омута, в котором я теперь захлебываюсь.

Не знаю, отчего я – до мозга костей «интернетчик» – не нарыл никакой полезной информации в глобальной сети. Но поиск ответов привел меня в читальный зал районной библиотеки. Наугад я взял с полки толстенный фолиант «Энциклопедии для детей и взрослых». И так же наугад раскрыл. Чтобы упереться взглядом в фольклористскую статью:

«Юха. В сказках тюркских народов – демон женского пола; оборотень. Жертвами юха становятся юноши, из которых она постепенно высасывает жизненные соки. По некоторым легендам, юха изводит человека при помощи видений. Иногда – угрожающего, иногда – эротического характера...»

У меня волосы должны были бы встать дыбом. Но я испытал, скорее, облегчение. Какое всегда испытывает человек, когда для непонятого феномена подыскивается имя. Вот кто такая. Ядовитый цветок!.. Она нечто вроде энергетического вампира. Юха. А ещё – странным образом – на меня накатила жгучая волна ревности.

Ядовитый цветок – юха. Значит – охотится на молодых людей. Сколько их было у неё до меня?.. Дюжина?.. Полтора?.. Или тысяча парней успела вкусить её обманных жарких поцелуев?.. Лишиться рассудка от её звонкого смеха?.. Шагнуть в окно в надежде обнять её тоненькую талию?.. Я был ущемлен в своем монопольном праве страдать от Ядовитого цветка одному.

В смешанных чувствах покинул я библиотеку. Видений в тот день у меня не было.

* * *

Наваждение как будто вовсе отступило.

Ко мне возвращались аппетит и здоровый сон. Больше не терзали похожие на фантазии садиста кошмары. Ядовитый цветок перестала мне чудиться в каждой встречной девушке, ни в игре теней и света. Я не рисковал больше выброститься из окна. И потихоньку включился в свою копирайтерскую работу.

Но я продолжал думать о Ядовитом цветке. На удивление – не как о беспощадной юха, а как о милой красавице-девушке, с которой я однажды ел пирожки ипил кофе. Я скучал по ней. Скучал по её объятиям и поцелуям – пусть те и были только зловещим мороком.

Я не мог удовлетвориться статьей из библиотечного фолианта. Мне нужно было, чтобы и Ядовитый цветок рассказала свою версию событий. Что если я всё-таки тронутый?.. А бедная девушка и не догадывается, что стала объектом моего бреда?.. И тем более о том, что считаю её за демона?..

Не знаю, как раньше не приходил мне в голову такой трюк – но я отправился на ту самую ж/д-станцию, у которой и встретил свою красавицу. Я не прогадал. Ядовитый цветок меня точно ждала.

Мусор под ногами разбавила слякоть. С вечернего серого неба падали медленные снежинки. Таяли у моей прекрасной юха на волосах. Ядовитый цветок смотрела на меня не так, как в нашу первую встречу. Не лукаво и задорно – а нежно и кротко. Улыбка на губах-лепестках была грустная.

Не сговариваясь, мы сплели пальцы и ступили под грязно-желтую вывеску быстро. Взяли по стаканчику невкусного кофе и сели на дырявый диванчик.

– Наверное, пришло время для правды?.. – спросила Ядовитый цветок. Она по-прежнему улыбалась, но в голосе её звучали слезы.

Я молча кивнул. Ядовитый цветок стала рассказывать:

– Ты хорошо во всем разобрался. Я юха. Помнишь, я говорила тебе про черепаху, золотую рыбку и котенка?.. В этих животных я умею перевоплощаться. И нет: не было никакой тысячи юношей, которых я ввергла во мрак безумия. Ты мой первый... Я ведь молоденькая – твоя ровесница. И только начинала свой путь оборотня... Если честно: ты мне сразу понравился. Мне жалко было тебя терзать. А потом... Потом ты разгадал, что я такое. Но вместо того, чтобы испугаться, стал ревновать меня к той мнимой тысяче юношей... Тогда я... Тогда...

Ядовитый цветок не выдержала и расплакалась.

Я обнял её за хрупкие плечи. И поцеловал в родинку над правой бровью. Я обнимал и целовал не оборотня-юха, а мою любимую девушку.

Голова инотавра то – правдивые записки человека, который оборвал связи с Эреальностью. Не надо снисходительных улыбок. Вы убедитесь: у меня достаточно причин начать свою исповедь с такого шизофренического признания.

Помню: я работал курьером. Босс нечасто оставался мною доволен. Когда он меня распекал, его слюни летели во все стороны. После рабочего дня я наведывался в одну дешевую забегаловку. Гамбургер по вкусу напоминал туалетную бумагу, картофель фри – хрустел на зубах, как уголь. Идти домой я никогда не торопился. Да и не назвать домом убогую съемную комнатушку, полную грязи и тараканов; за стенкой – харкает и матерится старый козлина-сосед.

Но было прибежище и у меня. Клуб геймеров. Здесь я чувствовал себя по правде человеком. Нет – сверхчеловеком. Мой персонаж не выбывал из топ-100 сильнейших героев виртуальной Вселенной «Повязка Аты». 3D-очки уносили в страшноватый – и одновременно прекрасный – мир. В поисках чудесных предметов я шарил по подземельям и руинам. Попутно отмахивался мечом от нетопырей и уродок-гарпий. Бродя из страны в страну, я срывал короны с тиранов. Дрался за справедливых царей. Игра требовала отваги и ума. Твердости духа. Железной воли. Без этого – демоны и злодеи не понесут наказания, а добро – не восторжествует. Ни на шаг я не пятился перед лицом зла. Из кожи лез вон, собирая артефакты. Направо и налево разил мечом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.